

Финансовая поддержка Москвой “партийной армии” Гоминьдана: проблема интерпретации источников

© 2009

А. Юркевич

По мнению автора, различия в толкованиях историками Тайваня и КНР источников, касающихся финансовой помощи Москвы “партийной армии” Гоминьдана в 1920-е гг., обусловлены неодинаковыми мировоззренческими и идеологическими установками исследователей, и эти установки необходимо учитывать при формировании собственной аргументации в ходе прямых научных дискуссий. Представлены документальные доказательства получения представителями “партийной армии” наличных денег от советской стороны, прослеживается ход принятия и реализации некоторых решений Москвы относительно выделения денежных сумм для поддержки Гоминьдана и его вооруженных сил.

Ключевые слова: “партийная армия”, Гоминьдан, школа Хуанпу, советские советники, два миллиона, Блюхер.

Тема материальной и финансовой помощи СССР революционному движению в Китае в 20-е годы XX в. не обойдена вниманием отечественных и китайских историков. Важное место в этой тематике занимают проблемы поддержки со стороны СССР так называемой партийной армии Гоминьдана. Она выросла на основе знаменитой военной школы Хуанпу (в местном диалектном произношении — Вампу), созданной в 1924 г. гуанчжоуским правительством Сунь Ятсена. Начальником школы, а затем и командующим “партийной армией” стал генерал Чан Кайши (1887—1975). С помощью контролировавшихся Чаном вооруженных сил Гоминьдан освободился от ненадежных “союзных” генералов и в 1926—1928 гг. провел военные кампании, приведшие к формальному объединению страны под флагом этой партии.

До настоящих дней тема помощи Москвы Гоминьдану и его “партийной армии” является поводом для столкновения разных мировоззренческих установок и вытекающих из них научных позиций.

Само обращение отечественной историографии к этой теме в начале 60-х годов было вызвано задачами идеологической борьбы: ухудшение отношений с КНР сопровождалось появлением в СССР мемуаров и исследований, которые были призваны напомнить о том, что успехи китайской революции стали бы невозможны без разностороннего содействия Москвы¹. Подобным императивом во

многим руководствуются также авторы и составители вышедших в последующие годы научных трудов и сборников документов, содержащих ценную информацию о помощи СССР различным политическим силам Китая в решении задач китайской национальной революции².

Такой акцент является естественной реакцией на позицию китайских историков, в трудах которых учащаются упоминания об “ограниченном” и “небескорыстном” характере помощи со стороны СССР³. Тем не менее историки КНР почти безоговорочно принимают цифровые данные, приводимые российскими учеными.⁴

Более решительную позицию занимают историки Тайваня — те, кто сочувственно относится к партии Гоминьдан. Не отрицая бесспорные факты оказания Москвой помощи южнокитайскому гоминьдановскому правительству советниками и оружием, тайваньские историки, тем не менее, оспаривают получение Гоминьданом непосредственной и безвозмездной финансовой поддержки от Советского Союза в сколько-нибудь значительных объемах⁵. По сути, они отрицают факты, которые уже несколькими поколениями российских историков и любителей исторического чтения представляются самоочевидными.

Расхождения в позициях исторических школ тем более разительны, что зачастую представляющие их исследователи опираются на одни и те же источники. Неодинаковые мировоззренческие установки обуславливают различия в интерпретации документов и материалов, выбор тех из них, которые представляются исследователям наиболее убедительными.

Так, огромное большинство данных о финансовой помощи китайской революции, приведенных в трудах ученых нашей страны, касаются решений, принимавшихся московскими инстанциями относительно *выделения* внушительных сумм тому или иному китайскому адресату. Однако тайваньские историки вовсе не отрицают приводимые в трудах авторитетных западных историков свидетельства того, что значительные суммы *выделялись* Москвой и действительно *направлялись* в Гуанчжоу. Корень проблемы для них — в отсутствии, по их мнению, надежных документальных доказательств *получения* этой наличности теми институтами Гоминьдана, которые в дальнейшем обусловили его лидерство в общенациональном масштабе, в том числе школой Хуанпу и “партийной армией”.

Психологические мотивы такой позиции вроде бы лежат на поверхности. О них свидетельствует один из аргументов в ее пользу, который приводят тайваньские историки: *о финансовой помощи СССР не преминул бы сообщить Чан Кайши в своей книге “Советская Россия в Китае” — ведь писал же он там о поставках советского оружия его армии, даже приводил цифровые данные*⁶.

На этот аргумент ответить проще всего.

По воспоминаниям “правого” гоминьдановского деятеля Цзоу Лу, первое время Гоминьдан принимал финансовую помощь от советской стороны (“вначале Советская Россия помогала в расходах нашей партии”)⁷. Но на втором заседании избранного на I съезде Гоминьдана (январь 1924 г.) ЦИК, когда председатель финансового комитета Ляо Чжункай сообщил в своем докладе об изменении сметы партийных расходов и сослался на то, что исправления внесены главным политическим советником М.М. Бородиным, это вызвало негодование присутствующих. Особенно возмущались представители шанхайской организации — чтобы разобраться в проблеме, из Шанхая в Гуанчжоу специально приезжал Ван Цзинвэй, в будущем главный соперник Чан Кайши

в борьбе за лидерство в Гоминьдане. В конце концов было принято решение о ежемесячном финансировании партийных расходов исключительно за счет налога на транспортировку соли и ассигнований от мэрии Гуанчжоу⁸. Если в дальнейшем Сунь Ятсен и его преемники и брали деньги у Бородина, то явно зареклись афишировать это перед соратниками.

“Национальная партия” уже тогда сочла для себя позором оказаться на финансировании из-за рубежа. Для репутации национального лидера приобрести оружие за границей, — далеко не то же самое, что принимать безвозвратные субсидии наличными у эмиссаров иностранного правительства, исповедующего чуждую идеологию. В эпоху, когда антикоммунизм стал стержнем идеологии Гоминьдана, Чан Кайши не мог пойти на признания, которые поставили бы под сомнение его право на место в гоминьдановском иконостасе.

Идеологическая заданность позиции тайваньских ученых очевидна. Однако эта позиция определенным образом обосновывается, и некоторые предъявляемые в ее поддержку аргументы невозможно отвести с порога. Эти доводы подкрепляются источниками, которые вводят в научный оборот ценный исторический материал и требуют серьезного к себе отношения.

Рассмотрим эти аргументы по-отдельности.

Если бы школа Хуанпу получала такое щедрое финансирование, о каком заявляли представители советской стороны, она не сталкивалась бы с частыми финансовыми затруднениями⁹.

Особое неприятие тайваньских исследователей вызывает утверждение М.М. Бородина, приведенное в 1929 г. в книгах М. Вилбура, что советское правительство истратило на организацию школы и ее поддержку в начальный период 3 млн руб. (по расчетам М. Вилбура, это 2 млн 700 тыс. гонконгских юаней по тогдашнему курсу), и при этом главному военному советнику В.К. Блюхеру предоставлялись еще и дополнительные средства¹⁰.

Однако такой суммы в распоряжении Чан Кайши в начальный период существования школы заведомо не было. По расчетам Блюхера, в то время на содержание дивизии численностью 5,5 тыс. человек было достаточно 85 тыс. юаней в месяц¹¹. Соответственно, на 2,7 млн юаней такое соединение можно было содержать в течение без малого трех лет. Между тем, по крайней мере до ноября-декабря 1924 г. и численность личного состава, и финансовые потребности школы Хуанпу были значительно скромнее. Однако школа периодически испытывала крайний недостаток денег на текущие расходы.

Чан Кайши, выступая в качестве главного инспектора вооруженных сил с докладом II съезду Гоминьдана (январь 1926 г.) по военному вопросу, вспоминал: “В июне 1924 г., когда в Хуанпу начались занятия... оружия было крайне мало, средств на текущие расходы тоже... поскольку все финансы Гуандуна были захвачены Юньнаньской и Гуансийской армиями, было не только невозможно обучать курсантов, но и почти не было возможности поддерживать само существование школы”¹². О финансовых затруднениях школы Хуанпу оставила также подробные воспоминания Хэ Сяннин (вдова видного деятеля Гоминьдана Ляо Чжункая, помимо партийных и государственных постов занимавшего должность комиссара школы Хуанпу), о них писали близкие к Чан Кайши Чжоу Цзюньян и Чэнь Гофу, заместитель Чан Кайши по Хуанпу генерал Хэ Инцин, бывшие курсанты 1-го набора и многие другие¹³.

Главным образом проблемами с финансированием школы тайваньские авторы объясняют случаи демонстративных отставок Чан Кайши. Так, в февра-

ле 1924 г. он отказался от поста председателя комитета по подготовке к открытию Офицерской школы сухопутных войск (впоследствии получившей известность по названию места дислокации как “военная школа Хуанпу”) и выехал через Шанхай на родину, в пров. Чжэцзян. С 21 февраля по 21 апреля Чан и Ляо Чжункай обменивались телеграммами, в которых значительное внимание уделялось финансированию школы: Чан требовал указать источники финансовых поступлений, определить орган, ответственный за финансирование, и гарантировать регулярное поступление фиксированных сумм, выдвигая это в качестве условий своего возвращения в Гуанчжоу. Во второй половине апреля Чан, получивший от Ляо Чжункай гарантии надежного финансирования, возвратился к исполнению своих обязанностей. Прием с демонстративной мини-отставкой Чан использовал и в начале августа 1925 г., протестуя против того, что учреждения и лица, ответственные за финансирование его войск, так и не были назначены¹⁴.

Можно спорить о причинах первой отставки Чана (современники тех событий предлагают разные версии¹⁵; автор данной статьи считает, что Чан был недоволен как раз влиянием Москвы на Гоминьдан и получением от нее помощи¹⁶). Следует сказать и о том, что в разные периоды финансовые затруднения школы и “партийной армии” были в неодинаковой степени серьезны, иногда они касались лишь отдельных органов, связанных с Хуанпу¹⁷.

Так или иначе, трудности с финансированием военной школы и “партийной армии” действительно были. Однако, приводя сведения об этих трудностях, объясняя с цифрами в руках их причину — захват налоговой базы провинции “союзными” генералами, тайваньские историки не замечают, что дезавуируют собственные выкладки по поводу того, что гоминьдановское правительство было способно организовать финансирование “партийных” вооруженных формирований исключительно за счет своих средств¹⁸.

Самым убедительным аргументом сугубо внутреннего характера источников финансирования школы Хуанпу и “партийной армии” тайваньские исследователи считают доказательство от противного — *отсутствие документов на китайском языке, которые свидетельствовали бы о получении командованием “партийной армии” денег от советников: имеющиеся документы такого рода содержат сведения лишь о финансировании Хуанпу по официальным каналам из внутренних источников*¹⁹.

По данным документов из тайваньских архивов, в апреле 1924 г. финансовый комитет Главной ставки выделил на открытие военной школы 186 тыс. юаней серебром из фондов финансового управления и определил источники текущего финансирования: в месяц 5 тыс. юаней из средств финуправления, 15 тыс. из средств управления общественной безопасности, 5 тыс. от мэрии Гуанчжоу и 5 тыс. от департамента снабжения, всего 30 тыс. юаней. С января до конца июня 1924 г. общий приход в гуандунских юанях составил 242 870,5, расход — 241 039,706, остаток — 1 830,794²⁰. Тайваньские исследователи приводят сведения о приходе и расходе по месяцам, по отдельным статьям и группам статей, вызывая искреннее уважение своей скрупулезностью. Но добросовестность вынуждает их не утаивать данные, которые против их воли разрушают представленные ими же доводы.

Так, Хуан Бинфэн со ссылкой на публикацию Ван Чжэнхуа от 1983 г. сообщает, что те 5 тыс. юаней, которые должны были поступать на текущие расходы от финансового управления, предполагалось покрывать за счет части налога на сахар, взимаемого министерством финансов. С июля 1924 г. эти 5 тыс. юаней

должны были передаваться школе через посредническую кампанию. Однако данный источник поступлений не был надежным, долги по этой статье финансирования постоянно накапливались, к тому же на те же самые средства претендовали школы Юньнаньской и Хунаньской “союзных” армий²¹.

В статье Сунь Цзыхэ приводятся воспоминания генерала Хэ Инциня о том, что из положенных 30 тыс. юаней школа Хуанпу получала лишь 6 тыс. в месяц.²² Соответствующая цитата, по замыслу тайваньского автора, должна проиллюстрировать тезис о финансовых затруднениях школы. По-видимому, это катастрофическое уменьшение реального финансирования имело место с июля 1924 г. Руководство школы неоднократно прибегало к займам у командующего Гуандунской армией Сюй Чунчжи. В июне заимообразно были взяты 3 тыс. гуандунских юаней, в июле — 6 тыс., в августе или сентябре — 1 тыс., в октябре — 5 тыс., в ноябре — 10 тыс., в декабре — 35 тыс.²³.

Как видим, суммы займов, не считая декабрьского, не могли покрыть расчетные текущие потребности Хуанпу. Положение вряд ли спасали деньги, выделявшиеся Чан Кайши управлением снабжения Гуандунской армии как начальнику фортов Чанчжоу (острова, на котором располагалась школа Хуанпу): в июле, августе и сентябре он получил соответственно 3 тыс., 5,2 тыс. и 4,1 тыс. юаней²⁴. Суммирование не дает заметного приближения к необходимым 30 тыс. юаней.

Между тем, по крайней мере с сентября 1924 г. расходы школы Хуанпу должны были резко возрасти: при ней формировался первый учебный полк. Для вербовки нижних чинов и офицеров в Шанхае еще в июле было создано подпольное представительство, содержавшееся на средства школы²⁵. План, представленный Чан Кайши в Политсовет Гоминьдана, предусматривал создание трех учебных батальонов, трех пехотных полков численностью 3569 человек каждый, артдивизиона и инженерного батальона. Общие расходы на реализацию проекта должны были превысить 436 тыс. юаней²⁶. Хранящийся в фондах РГА-СПИ отчет южнокитайской группы военных советников (осень 1924 г.) свидетельствует, что смета расходов была ими существенно сокращена. По их предложению было создано только два полка численностью около 1 500 штыков каждый, оружие для них бесплатно предоставила советская сторона, но и этот проект требовал расчетных расходов в сумме 231 400 юаней²⁷.

Откуда взялись такие деньги? Налоговая база правительства к концу 1924 г. серьезно вырасти не могла — новых территорий гуанчжоуское правительство не приобрело, его отношения с “союзными” генералами, захватившими основные источники доходов в провинции, только ухудшались. Тайваньские историки все же вынуждены признать, что не в состоянии дать достаточно полную и связную картину финансирования школы и “партийных” формирований: большая часть сведений, касающихся периода до января 1925 г., носит фрагментарный характер²⁸. При том, что текущие расходы школы Хуанпу с июня 1924 г. по апрель 1928 г. были отражены в выпущенном ее администрацией в 1937 г. сборнике материалов²⁹, документальные данные о финансировании школы и частей Чан Кайши за 1925 г. практически отсутствуют, расходы этих формирований отчасти известны лишь за 1926 г.³⁰ И тем не менее в финансовую помощь со стороны Москвы тайваньцы соглашались поверить, только увидев соответствующие приходные документы, буде они найдутся в китайских архивах.

А на это рассчитывать трудно. Помощь революционным силам Китая со стороны Москвы, в том числе финансовая, до 60-х годов XX в. должна была оста-

ваться секретом даже для советской общественности, не говоря уже об остальном мире (правда, в отношении остального мира это не очень получилось, так как в 1927 г. при налете китайской полиции на советское полпредство в Пекине было захвачено много документов, частично изданных за рубежом, а частью осевших в западных архивах). В 20-е годы советские советники в Южном Китае официально выступали как демобилизованные из РККА по окончании гражданского конфликта военные специалисты, *принятые на службу* гуанчжоуским правительством. Официальные дипломатические связи Москва поддерживала с правительством в Пекине, власть которого в Гуанчжоу не признавалась. Передача каких-либо средств южнокитайскому гоминьдановскому правительству и его учреждениям в таких условиях могла осуществляться только в рамках *секретных операций*. Пусть помощь Гоминьдану была секретом Полишинеля, но соответствующее лицо перед мировой общественностью Москва должна была сохранять.

Столь же уязвим для критики и другой аргумент тайваньских историков: *финансовые средства, проходившие через руки главного политического советника Гоминьдана Бородин, могли расходоваться по двум направлениям — через советников направляться на поддержание коммунистических структур в организациях Гоминьдана, правительстве и армии, а также в военных школах; идти на закупку советского оружия и снаряжения для Гуанчжоуского правительства*³¹.

Деньги на коммунистические организации Гуандуна через советских советников, скорее всего, проходили. Но явно по тем статьям сметных расходов, которые не имели отношения к школе Хуанпу и “партийной армии”. В письме от 4 января 1924 г. М.М. Бородин следующим образом ответил Г.Н. Войтинскому, в то время — заведующему Дальневосточным отделом Восточного отдела ИККИ и представителю Коминтерна в Китае, на его просьбу посодействовать деятельности КПК в рабочих организациях: “...Вы просите высказать мнение о финансовой помощи рабочим организациям из “наших” средств. Во-первых, этих средств еще нет. До 25-го [сего] м[есяца] (имеется в виду декабрь 1923 г. — А.Ю.) я работал без средств. Гоминьдан сам оплачивал свои счета. Теперь мы уже начали некоторое финансирование (курсив мой. — А.Ю.). Во-вторых, мы работаем в пределах сметы. Я исследую вопрос и при выработке следующей сметы (курсив мой. — А.Ю.) прибавлю то, что по моему мнению и мнению ЦК Киткомпартии, необходимо дать рабочим организациям. Утвердят ли это в Москве — не знаю”³².

“Работа в пределах сметы” означает расходование определенных объемов средств по конкретным статьям. До мая 1925 г., видимо, основная часть помощи тем силам в Китае, которые в Москве считались революционными, проходила через наркомат иностранных дел. В протоколе № 2 заседания Китайской комиссии Политбюро ЦК РКП (б) от 29 мая 1925 г. сообщается, что комиссия заслушала сообщение наркоминдел Г.В. Чичерина, который сообщил, что “в распоряжении НКИД имелось 2 000 000 руб. (не ясно, в течение какого периода. — А.Ю.), за счет которых содержались кантонская группа (советников. — А.Ю.), школа Вампу, политкурсы, поддерживалось формирование новой дивизии и оказывалась помощь Гоминьдану и Киткомпартии. В настоящий момент эти суммы израсходованы”³³. На том же заседании было принято решение “всю военно-поли-

тическую работу в Китае и отпуск средств на расходы объединить и сосредоточить в Киткомиссии”³⁴.

Вряд ли это решение каким-то образом привело к ослаблению сметной дисциплины. Скорее наоборот. Выделение Китайской комиссией сколько-нибудь крупных сумм было вполне адресным: ее постановления предусматривают исключительно “постатейное” финансирование — даже сумма в 2 тыс. руб. проходила по отдельной статье сметы³⁵. Утверждало постановления комиссии Политбюро ЦК ВКП (б).

КПК финансировалась на регулярной основе. Так, в письме секретарю ИККИ И.А. Пятницкому и членам делегации ВКП (б) в ИККИ от 7 июня 1926 г. Г.Н. Войтинский писал о своем намерении добиться “общего увеличения сметы Киткомпартии (до 14 000 руб. в месяц вместо 6 000)” и просил поставить этот вопрос перед Бюджетной комиссией ИККИ.³⁶ Практика Китайской комиссии знала и случаи оказания экстренной финансовой помощи КПК. Так, протоколом заседания Политбюро № 66 (особый № 49) от 1 июня 1925 г. зафиксировано решение утвердить предложение Китайской комиссии о срочном ассигновании в распоряжение ВЦСПС и последующей отправке в Шанхай, где находилось ЦК КПК, из резервного фонда Совнаркома СССР 50 000 тыс. рублей, видимо, на нужды рабочего движения³⁷. Смета Китайской комиссии предполагала и такую статью, как “непредвиденные расходы”. Так, по протоколу от 5 июня 1925 г. по этой статье до 1 октября планировались 20 тыс. североамериканских долларов³⁸; надо полагать, это был фонд, из которого могли выделяться средства на непредвиденности, касающиеся любых статей сметы. Соответственно, распоряжалась этими деньгами сама комиссия.

В любом случае безоглядно направлять на поддержку коммунистических организаций те средства, которые по смете выделялись для формирования новых частей или содержания военной школы, Бородин и Блюхер не имели права.

Другое дело — расходование таких средств на кредитование военных закупок. Это предположение тайваньских историков выглядит не таким уж необоснованным. По всей видимости, безвозмездные поставки оружия гуанчжоускому правительству осуществлялись только в 1924 г.

По сведениям, почерпнутым тайваньским исследователем Сунь Цзыхэ из документов, хранящихся в американских университетских архивах, в июне-августе 1925 г. военный атташе советского полпредства в Пекине неоднократно посылал Блюхеру и Бородину телеграммы о том, что советское оружие и снаряжение, сосредоточенное во Владивостоке, будет поставляться немедленно после его оплаты гуанчжоуским правительством. Так, в телеграмме от 7 июля сообщалось о партии оружия стоимостью 2 млн руб., в телеграмме от 27 августа — о партии стоимостью более 564 тыс. руб.³⁹ В телеграмме на имя Блюхера от 4 июля военный атташе Егоров называл общую стоимость грузов, направленных в Гуанчжоу, по состоянию на 1 февраля 1925 г.: 2 млн 500 тыс. руб. Перечислялись также грузы, сосредоточенные на тот момент (видимо, на начало июля 1926 г.) во Владивостоке и ожидающие отправки в Гуанчжоу: винтовочные патроны, пулеметы, артиллерийские орудия, снаряды, а также 9 самолетов, всего на 2 млн руб. В телеграмме сообщалось, что гуанчжоуское правительство должно немедленно оплатить транспортные расходы, а также в определенный срок оплатить уже отправленные и еще не отправленные грузы. В телеграмме, направленной 27 марта 1926 г. канцелярией советского военного атташе М. Бородину, тоже перечислялись грузы, сосредоточенные во Владивостоке: патроны, снаряды, по-

рох, запчасти к тяжелым орудиям. Стоимость этого груза, за вычетом запчастей, составляла 564 148 руб., для отправки боеприпасов и запчастей счет предписывалось оплатить⁴⁰.

Вот, казалось бы, те самые миллионы, что фигурируют в сметах Киткомиссии и решениях Политбюро ЦК РКП (б). Однако есть основание усомниться в точной интерпретации этих документов тайваньским историком, очевидно не владеющим русским языком. Дело в том, что уже 11 июля 1925 г. Политбюро ЦК РКП (б) утвердило предложения Китайской комиссии, в которых был следующий пункт: “Военное имущество гоминьдановским генералам и Кантону отпускать *в кредит под векселя* со сроком платежа через два года” (курсив мой. — А.Ю.). Так что с того момента речь могла идти не о выплате наличных денег или даже денежных переводах, а о выдаче векселей. Видимо, именно об оформлении и высылке этих обязательств, помимо транспортных расходов, и напоминали Бородину телеграммы, посланные в его адрес. Что касается транспортных расходов, то они напрямую предусматривались в смете Китайской комиссии, и, соответственно, должны были включаться в те суммы, которые Бородин получал, с указанием их предназначения в рамках сметы. Так, согласно утвержденным Политбюро 1 июня 1925 г. предложениям Киткомиссии, “на перевозку имущества, отправляемого китайским генералам”, по 1 октября 1925 г. предполагалось отпустить 270 039 руб.⁴¹, а к сумме в 450 тыс. руб., которую намечалось выслать Блюхеру для формирования “новых надежных частей” в Гуанчжоу и поддержания школы Хуанпу, были добавлены 27 тыс. опять же “на перевозку имущества”⁴².

Гипотетически для “субсидирования” оставался период с ноября 1924 г. по июль 1925 г., но не раньше (никто не оспаривает тот факт, что первая партия советского оружия, пришедшая в Гуанчжоу 7 октября 1924 г., была предоставлена безвозмездно) и не позже. Так что и тратить полученные из Москвы деньги главным образом на “закупочные субсидии” гуанчжоускому правительству у Бородина вряд ли была необходимость (за исключением периода продолжительностью около восьми месяцев).

Как можно легко понять, подход тайваньских историков отличает презумпция “достаточности” документов и материалов, которые существуют на китайском и западных языках, для выведения уверенных заключений (с мемуарами советских представителей в Китае они тоже знакомы только в переводах). Контент-анализа документа, действия или высказывания (выявления предназначения, целей, которые преследовало сообщение, особенностей адресата, возможных мотивов, которыми руководствовался тот или иной деятель, и т.п.) они старательно избегают, коль скоро это может привести к выводам, которые противоречат их базовым установкам: *лидеры Гоминьдана ничего не предпринимали в обход коллегальных руководящих органов партии, действовали сугубо открыто и строго документировали все финансовые проводки; никаких денег из-за рубежа втайне они получать не могли; советская помощь для них была не очень-то и важна, а политические и военные успехи Гоминьдана достигнуты главным образом за счет внутренних ресурсов*⁴³. Наличие бесспорных документальных свидетельств получения командованием “партийной армии” советских денег для исследователей с Тайваня является единственно возможным доказательством такого рода фактов.

Но именно такие доказательства на русском языке существуют. Так, в книге А.И. Картуновой о В.К. Блюхере (1970, 2-е изд. 1979) приводятся записи из дневника Управления Военного отдела (т.е. группы военных советников) в Кантоне от 18 ноября 1924 г. о встрече Блюхера с комиссаром школы Хуанпу Ляо Чжункаем.

“...Ляо заявил, что за период с 15 октября по 15 ноября школа Вампу (произношение названия “Хуанпу” на местном диалекте. — А.Ю.) получила якобы 25 тыс. кан[тонских] долл. из общей суммы 100 тыс. кант[онских] долл.

Тов. Галин (псевдоним Блюхера. — А.Ю.): За октябрь уплачено 59 тыс.; из оставшихся 75 тыс. долл. не уплачено 16 тыс.

За ноябрь дано 16 тыс. октябрьских плюс 47 тыс.

Ляо: Когда будет уплачена остальная часть?

Галин: Числа 25 ноября частично.

Ляо выражает желание, чтобы сумма в 100 тыс. долл. впредь выплачивалась или одновременно или не более чем в два раза.

Галин обещает урегулировать вопрос с Москвой”⁴⁴.

Текст не вполне внятный — что за “оставшиеся 75 тыс.”? За вычетом 25 тыс. из ста, или еще предназначавшиеся к выплате после выплаченных 59 тыс.? Видимо, составитель дневника не особенно вникал в смысл стенограммы. Но можно понять, что по крайней мере с октября 1924 г. (хотя и неясно, до какого времени) школа Хуанпу в течение какого-то периода получала дотации от советской стороны. Ежемесячные выплаты должны были составлять 100 тыс. кантонских долларов (гуандунских юаней), но выплачивались деньги неравномерно, что путало отчетность и порождало недоразумения.

Дополняют эти сведения документы из фондов РГАСПИ. Согласно недатированной копии финансового отчета, очевидно, за последние месяцы 1924 г., до 15 ноября на школу Хуанпу и “Национально-революционную армию” (так в документах южнокитайской советнической группы именовалась “партийная армия” Чан Кайши задолго до официального переименования вооруженных сил Гоминьдана летом 1925 г.), было израсходовано 27,5 тыс. “кантонских долларов” (гуандунских юаней), а с 15 по 30 ноября — 50 тыс. Данные архивного документа близки приведенным выше утверждениям Ляо Чжункая (до 15 ноября — 25 тыс.). Всего на войска Гоминьдана, в том числе “союзные”, было израсходовано (за ноябрь или октябрь-ноябрь?) 112 744 гуандунского юаня, или 90 195 гонконгских. Расходы на школу Хуанпу с 13 ноября по 12 декабря 1924 г. составили 47 тыс. гуандунских юаней (плюс 3 тыс. на Хунаньскую военную школу, курсанты которой тогда влились в школу Хуанпу, — это дает указанную выше сумму в 50 тыс.). При этом школе Хуанпу еще причиталось за ноябрь 30,5 тыс. гуандунских юаней⁴⁵. В объяснительной записке к финансовому отчету отмечалось, что “Вампу, или Национально-революционная армия генерала Чан Кайши” сметы не представляет и ей *выдается* сумма в 100 тыс. “кантонских долларов”, установленная Бородиным. На декабрь 1924 г. для Хуанпу “были запрошены” еще 100 тыс. (из общей суммы 127 244 “кантонских доллара” на армию Гоминьдана), на январь намечалась та же сумма⁴⁶.

Отчет, видимо, составлял не профессиональный бухгалтер, приведенные цифры с трудом суммируются. Расходы на Хуанпу и НРА (эти понятия тогда отождествлялись) по 30 ноября понятны — 77,5 (27,5 + 50) тыс. гуандунских юаней, а как туда уложить сумму, пришедшуюся на период с 13 ноября по 12 дека-

бря, или разделить деньги, приходившиеся на собственно Хуанпу и формирующиеся при ней части, с одной стороны, и расходы на остальные войска Гоминьдана, с другой, не ясно. Однако понятно, что деньги на нужды гоминьдановских военных структур выделялись не просто небольшими частями, но и запрашивались (видимо, у военного атташе полпредства) на ближайший месяц с соответствующим обоснованием запроса. Те же миллионы и сотни тысяч, о которых позже упоминали советские советники и решения о выделении которых принимало Политбюро ЦК РКП (б), аккумулировались в полпредстве и оттуда частями направлялись в Гуанчжоу (в соответствии с запросом гуанчжоуской группы и оценкой адекватности этого запроса вышестоящей инстанцией). Ясно также, что речь идет по меньшей мере о сумме, значительно превышающей 100 тыс. гуандунских юаней, — заметно больше, чем “ничего”, на котором настаивают тайваньские историки.

Установки, которыми последние руководствуются, делают очевидно неубедительными для них те сведения, что безоговорочно принимаются российскими учеными. Так, по данным публикации Р.А. Мировицкой от 1981 г., по договоренности с СССР китайская сторона должна была составить смету и назвать сумму необходимой помощи. Комиссия под председательством Сунь Ятсена, в которую входили китайские официальные лица и советские советники, в феврале 1924 г. представила смету на 479 439 китайских долларов (видимо, гуандунских юаней. — А.Ю.). Согласно Р.А. Мировицкой, Советский Союз финансировал строительство и работу школы с 1924 по сентябрь 1925 г.⁴⁷

Сообщая эти сведения, автор дает ссылку на “документы Архива Советской Армии” — конкретизировать данные об использованных документах в эпоху тотальной секретности было попросту невозможно. Но отсутствие таких данных делает опубликованный материал не подлежащим верификации и, к сожалению, неприменимым в академической дискуссии.

Это российский историк в курсе тех трудностей, с которыми сталкивались исследователи архивных документов в те годы, когда вышла упомянутая публикация, к тому же легко сопоставит факт участия советских советников в составлении сметы со случаями серьезного исправления ими других смет — партийных расходов Гоминьдана и на формирование учебных частей при школе Хуанпу. Каждый раз “корректировка” означала намерение советской стороны принять участие в финансировании проекта: так, согласно отчету советнической группы на начало осени 1924 г., советская сторона предполагала взять на себя 50% расходов на формирование учебных частей⁴⁸ — для того смета и оптимизировалась. Эта половина, вероятно, прибывшая в Гуанчжоу в конце октября вместе с Блюхером, и была с избытком выплачена советниками в ноябре-декабре 1924 г.

Однако там, где мы увидим убедительные, хотя и косвенные, доказательства, наши тайваньские оппоненты могут усмотреть лишь попытку академически некорректной аргументации.

Но недоразумениями и поспешными заключениями может быть чревато и некритичное отношение к используемым источникам, в том числе цитируемым в советской/российской литературе, которое иногда проявляют историки КНР. Главным образом именно потому, что они охотно и привычно оперируют известными решениями Москвы о выделении денег на нужды Гоминьдана как доказательствами получения этих денег адресатом.

Так, Тань Фан со ссылкой на книгу А.И. Картуновой “Блюхер в Китае” пишет, что СССР безвозмездно предоставил “2 млн юаней”, “которые пошли на

расходы, связанные с открытием школы”⁴⁹. Однако в соответствующем решении Политбюро ЦК РКП (б) от 8 марта 1923 г., которое упоминается в книге А.И. Картуновой, лишь было “*признано возможным*” направить в Китай *2 млн мексиканских долларов*, т.е. выражалось принципиальное согласие с такой перспективой, но не шла речь о директивном решении. К тому же в этом документе речь идет о поддержке проекта формирования “основы революционной армии в Западном Китае” (от реализации которого советская сторона вскоре отказалась) и ничего не говорится о трате данных средств на создание военной школы в Гуанчжоу (которая в первый год своего существования мерила полученные из Москвы дотации никак не миллионами). Так что одного такого свидетельства для того заключения, которое делает китайский историк, мало.

Чтобы его подтвердить или опровергнуть, необходимо сопоставить данную информацию со сведениями, представленными в других источниках. Так, любопытно, что указанная сумма (2 млн мексиканских долларов) по курсу того времени (1,007 : 1,000) очень близка 2 млн руб.⁵⁰. Мексиканские доллары, по-видимому, удобнее было перевозить и обменивать, так как эта валюта, будучи почти равна рублю по номиналу, не имела “политического лица”. А о согласии предоставить именно *2 млн золотых рублей* сообщало советское правительство в послании Сунь Ятсену, которое было переслано тому через полпреда СССР А.А. Иоффе 1 мая 1923 г. Деньги предполагалось направить “на работу по объединению Китая и достижению национальной независимости”; они должны были выплачиваться долями в течение года, каждый раз не более 50 тыс. руб. В письме говорилось также о готовности поставить 8 тыс. японских винтовок, 15 пулеметов, четыре орудия и два броневика. Предлагалось “использовать советскую материальную военную помощь и инструкторов для создания в стране военной школы, включающей различные рода войск (но не полевой части)”, с тем чтобы подготовить условия “для проведения политической и военной подготовки революционных армий на Севере и Западе”⁵¹.

Можно предположить, что именно из этой суммы были выделены деньги, которые шли на финансирование подготовки к открытию школы Хуанпу с начала 1924 г. Однако в протоколе № 80 заседания Политбюро ЦК РКП (б) уже от 20 марта 1924 г. мы вновь сталкиваемся с упоминанием *двух миллионов*: “Отложить решение вопроса о сроках выдачи предрешенной выдачи (так в тексте документа. — А.Ю.) в 2 млн рублей до получения документа от тов. Карахана”⁵². О каком документе идет речь, не ясно, но возникает устойчивое впечатление, что речь в протоколах, увидевших свет весной 1923 и весной 1924 г., идет об одной и той же субсидии.

Могло ли так случиться, чтобы обещанных выплат ждали целый год?

Могло. Об этом свидетельствует протокол № 81 (особый) заседания Политбюро ЦК РКП (б) от 27 марта 1924 г. Пункт “б” указанного протокола гласит: “В части, касающейся выдачи оружия, во изменение постановления Политбюро от 20.III.24 г. (пр. № 80, п. 1-Д) выдать количество оружия, обещанное в телеграмме Иоффе Сунь Ятсену от 1 мая 1923 г.”⁵³. Таким образом, обещание, данное в мае 1923 г., в марте 1924 г. решили выполнить, а доставили означенное оружие в Гуанчжоу, как известно, в октябре 1924 г. Так что обещанного по тем временам, когда взаимодействие Москвы и Гуанчжоу только разворачивалось, вполне можно было ждать и более года.

Правда, если вспомнить непростую ситуацию с финансовым обеспечением подготовки к открытию школы, сложившуюся зимой 1924 г., известную телеграмму Ляо Чжункая в адрес Чан Кайши от 3 апреля с гарантиями финансирования (“...Что касается расходов на военную школу, то младший брат не спрашивает отчета о расходах, а старший брат не спрашивает, откуда они поступают, текущие расходы не ограничиваются, можно совершенно спокойно приступить к работе”)⁵⁴, а также факт выделения средств на открытие школы правительством именно в апреле, то создается впечатление, что тогда-то и случилась “выдача предрешенной выдачи”, как и было обещано, частичная. Возможно, таинственный документ от полпреда Карахана был доставлен в Москву достаточно оперативно. Имеют ли отношение к этим двум миллионам деньги, оказавшиеся в руках Бородина после 25 декабря 1923 г., сказать трудно.

Завершая историю о двух советских миллионах, вспомним сделанное 29 мая 1925 г. заявление Г.В. Чичерина о 2 млн рублей, имевшихся в распоряжении НКВД и потраченных к тому времени на школу Хуанпу, “формирование новой дивизии”, т.е. учебные части Чан Кайши, кантонскую группу советников, политкурсы, помощь Гоминьдану и КПК. Так что, похоже, обещанная Сунь Ятсену в 1923 г. сумма была потрачена к маю 1925 г. хотя и с пользой для Гоминьдана, но не исключительно на него, и тем более не эксклюзивно на “партийную армию”.

Остается не вполне ясным, как соотнести с этими двумя миллионами другие суммы, упоминающиеся в протоколах Киткомиссии и Политбюро ЦК РКП (б). Так, протокол № 64 заседания Политбюро ЦК РКП (б) от 24 января 1924 г. предполагал в пункте “о Сунь Ятсене” “отпустить на закупку... (пропуск в документе) 500 000 зол. руб.” — видимо, на закупку оружия и снаряжения. А знакомый нам протокол № 80 заседания Политбюро от 20 марта 1924 г., который откладывал “решение вопроса о сроках выдачи...”, предписывал также “принять план политической работы, предложенный тов. Караханом (план не обнаружен. — А.Ю.), и отпустить 500 000 рублей...”⁵⁵. Опять одна и та же сумма (в январе ее только наметили, а в марте подтвердили). Надо ли ее включать в указанные выше миллионы или стоит ее приплюсовать? Но вот что любопытно: через год, в протоколе заседания Политбюро от 7 мая 1925 г., вновь фигурируют 500 тыс. рублей, но предназначенные уже для формирования “новых надежных частей в Кантоне”⁵⁶. Не те ли это 500 тыс., которые (дополнительно к 2 млн ?) было решено предоставить в январе и марте 1924 г.? Так или иначе, 29 мая 1925 г. эту сумму было решено сократить до 450 тыс. и выделить ее на период до 1 января 1926 г.; 5 июня было решено добавить еще 100 000 рублей “на поддержание школы Вампу и одной старой дивизии”⁵⁷, а 11 июня 1925 г. Политбюро постановило “на формирование двух новых дивизий в Кантоне и перевозку для нее оружия отпустить 477 000 руб.”, уже не упоминая о дополнительных 100 тыс.⁵⁸ Таким образом, статья одной и той же сметы на разных этапах ее формирования может быть представлена в разных цифровых выражениях; не исключено, что и целевое предназначение той или иной намеченной суммы могло быть со временем изменено. Так что прежде чем оперировать сведениями, почерпнутыми из таких документов, стоит сопоставить эти документы друг с другом.

Видимо, именно потому, что такому сопоставлению не уделялось внимания, и продолжает жить версия о том, что те миллионы, о которых шла речь в 1923 г., и те, о которых толковали документы от 1924 г., — это разные ассигнования.

Так, исследователь из КНР Ли Цзикуа, ссылаясь на японские источники, сообщает, что передача советских денег могла быть осуществлена в 1923 г. и свя-

зана с переговорами, которые Ляо Чжункай вел с руководителем дипломатической миссии РСФСР в Китае А.А. Иоффе, встречаясь с ним в январе того года в Японии. По японским источникам (в частности, свидетельствам японских журналистов, близких к гоминьдановским кругам), 3 млн *юаней* (?) были якобы перечислены для Иоффе через японские банки, а Иоффе передал их Ляо Чжункаю. Согласно другому японскому источнику, на который опирается Ли Цзикуа, Советский Союз с 1924 г. *ежегодно* перечислял в Гуандун 2 млн *юаней*, в том числе 700 тыс. на расходы школы Хуанпу, и 1 млн 300 тыс. “на расходы правительства Гоминьдана” (так в тексте. — А.Ю.)⁵⁹. При этом самым надежным свидетельством того, что Гоминьдан принимал советскую финансовую помощь, Ли Цзикуа считает как раз упоминавшееся выше письмо советского правительства Сунь Ятсену, переданное через Иоффе 1 мая 1923 г.⁶⁰

По всей видимости, утверждения о ежегодном выделении гоминьдановскому правительству двух миллионов являются результатом частого упоминания этой суммы в документах и материалах, относящихся к разным годам. Что касается суммы в три миллиона, будь то рубли или юани, то финансирования в таком объеме Гоминьдан не знал и позднее, когда Сунь Ятсен и Москва осуществляли подробно разработанные планы взаимодействия. А в конце января 1923 г. увидел свет всего лишь первый и несколько месяцев остававшийся единственным двусторонний документ: так называемая “Декларация Сунь Ятсена — Иоффе”. В ней подчеркивалось “полное совпадение взглядов” сторон на китайско-российские отношения и объявлялось, что лидер Гоминьдана “может рассчитывать на поддержку России”⁶¹ — этакий “протокол о намерениях”. На встрече Ляо с Иоффе в Японии, в гостинице “Атами” (отсюда название переговоров — “атамийские беседы”), стороны могли лишь выяснять позиции друг друга по наиболее принципиальным вопросам, и речь не могла идти о финансировании определенных проектов под прошедшие экспертизу сметы. Декларация “совпадения взглядов на китайско-российские отношения” — не повод для денежных субсидий. Даже письмо от 1 мая 1923 г. не более чем предполагало *возможные* будущие выплаты — если Сунь Ятсен решится “на работу по объединению Китая и достижению национальной независимости”. И много позже куда более скромные суммы перечислялись Москвой лишь под конкретные проекты и только после тщательной корректировки смет, представленных китайской стороной.

Характер освоения и интерпретации источников представителями исторических школ России, КНР и Тайваня, которые разрабатывают во многом общую и равно актуальную для них проблематику, свидетельствует о преобладании в научном почерке этих школ неких устойчивых установок и подходов к документальному материалу. Так, для советской/российской школы характерны убежденность в том, что решения руководящих инстанций всегда выполнялись неукоснительно и точно (что не для всех случаев справедливо), акцент на демонстрации масштабной роли СССР в развитии революционного процесса в Китае. Историки КНР, без особого анализа принимая выкладки советских/российских ученых, касающиеся вопросов помощи СССР гоминьдановскому правительству, в значительной степени продолжают заочный спор с Гоминьданом, показывая зависимость его успехов от сотрудничества с международным и внутренним коммунистическим движением. Тайваньские исследователи той же проблематики делают упор на непогрешимости руководства Гоминьдана, внутренних источниках его достижений, первостепенной значимости и надежности гоминьдановских

источников, не склонны особенно доверять зарубежным исследователям и даже документальным свидетельствам, любое сомнение толкуя в пользу самостоятельного характера успехов Гоминьдана.

Пока вместо диалога научных традиций имеет место их приглушенная “заочная переключка”. Каждая из сторон, зная о позициях других, продолжает наращивать объем аргументации в традиционном для себя ключе, обращаясь не к оппонентам, а к “своей”, понимающей и мыслящей аналогичным образом аудитории. Между тем в рассматриваемой области исторических исследований начинается складываться общее для ученых разных стран поле научного поиска. Об этом свидетельствует, в частности, выпуск в 2004 г. в КНР сборника научных статей, посвященных 80-летию военной школы Хуанпу, в котором приняли участие и авторы рассматриваемых в данной статье работ, включая российских историков⁶². Налаживание продуктивного диалога с коллегами, принадлежащими к разным научным школам, требует уточнения документальной базы исследований, освоения новых источников, в первую очередь документов на русском языке, которые хранятся в западных архивах, вовлечения оппонентов в прямые дискуссии. А для непосредственного обращения к оппонентам настоятельно необходимо понимание мотивационных и идейных предпосылок их научных позиций, учет этих предпосылок при формировании собственной аргументации.

1. См. напр.: Советские добровольцы в Китае в 1923—1927 гг.: воспоминания. М., 1961; Советские добровольцы о первой гражданской революционной войне в Китае: воспоминания. М., 1961; *Вишнякова-Акимова В.В.* Два года в восставшем Китае. 1925—1927: воспоминания. М., 1965, 1980; *Черепанов А.И.* Записки военного советника в Китае: из истории первой гражданской революционной войны (1924—1927 гг.). М., 1961, 1976; *Казанин М.И.* В штабе Блюхера: воспоминания о китайской революции 1925—1927 гг. М., 1966; *Примаков В.М.* Записки волонтера. М., 1970; *Юрьев М.Ф.* Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968; *Мировицкая Р.А.* Первое десятилетие // Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968; На китайской земле: воспоминания советских добровольцев. 1925–1945. М., 1974; 2-е доп. изд. 1977; *Благодатов А.В.* Записки о китайской революции 1925–1927 гг. М., 1975, 1979.
2. См. напр.: *Картунова А.И.* В.К. Блюхер в Китае. 1924—1927 гг.: документированный очерк. М., 1972; изд. 2-е, доп., 1979; *Она же.* Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. — июль 1927 г.). М., 2000; *Мамаева Н.Л.* Гоминьдан в национально-революционном движении Китая (1923—1927). М., 1991; *Она же.* Коминтерн и Гоминьдан, 1919—1929. М., 1999; *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае: 20-е годы XX века. М., 2002; ВКП (б) Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: Документы. Т. I 1920—1925/ Руководители работы М.Л. Титаренко и Го Хэнъюй. М., 1994; Т. 2 1926—1927. Ч. 1—2/ Руководители работы М.Л. Титаренко и М. Лейтнер. М., 1996; Гунчань гоцзи, Ляньгун (бу) юй Чжунго гэмин данъянь цзыляо цуншу [Коминтерн, ВКП [б] и китайская революция: сборник архивных материалов]. Т. 1—2. Пекин, 1997.
3. См. напр.: *Ли Цзикау.* Хуанпу цзюньсяо чуанбань юаньцзи [Причины создания военной школы Хуанпу] // Гоминь гэмин юй Хуанпу цзюньсяо: цзинянь Хуанпу цзюньсяо 80 чжоуянья сюэшу луньвэньцзи [Национальная революция и военная школа Хуанпу: сборник научных статей к 80-летию военной школы Хуанпу]. Чанчунь, 2004. С. 121—122.
4. См. напр.: Там же; *Тань Фан.* Лунь цянъ Сулянь дуй чуанцзянь Хуанпу цзюньсяо дэ гунсянь [О вкладе раннего Советского Союза в создание военной школы Хуанпу] // Шаньтоу дасюэ сюэбао. Цз. 14. 1998, № 3. С. 40—46; *Ли Юйчжэнь.* Моськэ юй Хуанпу

- цзюньсяо дэ цзяньли [Москва и создание военной школы Хуанпу] // Гоминь гэмин юй Хуанпу цзюньсяо... С. 206–227.
5. См.: *Сунь Цзыхэ*. Цун Хуанпу цзюньсяо цзяньцзюнь дао Бэйфа цянсьи гэминцзюнь чжи цзюньсе вэньти [Проблемы вооружения революционной армии в период от создания войск Хуанпу до кануна Северного похода] // Там же. С. 338–376; *Хуан Бинфэн*. Хуанпу цзюньсяо чжи цзинфэй вэньти (Проблема текущих расходов военной школы Хуанпу) // Там же. С. 43–62.
 6. *Хуан Бинфэн*. Указ. соч. С. 61; *Сунь Цзыхэ*. Указ. соч. С. 340, 358.
 7. *Цзоу Лу*. Чжунго Гоминьдан шигао [Очерк истории Гоминьдана]. Тайбэй, 1976. С. 457. Цит. по: *Сунь Цзыхэ*. Указ. соч. С. 374–375.
 8. Там же.
 9. Там же. С. 349–350; *Хуан Бинфэн*. Указ. соч. С. 43–45, 61.
 10. *Wilbur С.М., Lien-ying How J.* Missionaries of Revolution: Soviet Advisers and Nationalist China. 1920–1927. Camb. (Mass.) — L., 1989. P. 97.
 11. *Картунова А.И.* В.К. Блюхер в Китае... Изд. 2-е, доп. С. 200.
 12. Цит. по: *Сунь Цзыхэ*. Указ. соч. С. 339–340.
 13. *Сунь Цзыхэ*. Указ. соч. С. 350–351; *Хуан Бинфэн*. Указ. соч. С. 44–45 (автор статьи ссылается на материал из фондов тайваньского Архива истории партии — л. 454/14.9); *Хэ Сяннин*. Хуанпу цзюньсяо чжи чуанбань // Хуанпу цзюньсяо шилiao (1924–1927). Гуанчжоу, 1982. С. 487.
 14. См.: *Сунь Цзыхэ*. Указ. соч. С. 350–351.
 15. Хуанпу цзюньсяо шилiao... С. 32–31, 61; *Wilbur С.М., How Lien-ying J.* Op. cit. P. 96; *Вишнякова-Акимова В.В.* Указ. соч. С. 132; Черепанов А.И. Записки... С. 99.
 16. В письме Ляо Чжункао от 14 марта 1924 г. Чан Кайши резко выступал против сотрудничества с Россией, называл китайских коммунистов ее “рабами” (Хуанпу цзюньсяо шилiao... С. 30–31). См. также: *Юрьев М.Ф.* Революция 1925–1927 гг. в Китае. С. 37.
 17. Например, осенью 1925 г. трудности испытывало только шанхайское представительство, вербовавшее личный состав для войск Чан Кайши. (*Хуан Бинфэн*. Указ. соч. С. 44–45).
 18. *Сунь Цзыхэ*. Указ. соч. С. 350; *Сунь Кэ*. Гуанчжоу шичжэн ишу [Мемуары мэра Гуанчжоу] // Чжунго сяньдай ши чжуаньти яньцзю баогао [Научные специализированные доклады по новейшей истории Китая]. 1978, № 8. С. 292; *Хуан Бинфэн*. Указ. соч. С. 59–60.
 19. *Сунь Цзыхэ*. Указ. соч. С. 350; *Хуан Бинфэн*. Указ. соч. С. 60–61.
 20. *Сунь Цзыхэ*. Указ. соч. С. 350; *Хуан Бинфэн*. Указ. соч. С. 46–47, 49–50; *Wilbur С.М., How Lien-ying J.* Missionaries of Revolution. P. 97.
 21. *Хуан Бинфэн*. Указ. соч. С. 58–59; *Ван Чжэнхуа*. Хуанпу цзюньсяо цзинфэй чутань [Первоначальное исследование текущих расходов военной школы Хуанпу] // Хуанпу цзюньсяо лю ши чжоуянь луньвэньцзи [Сборник статей, посвященный 60-й годовщине военной школы Хуанпу]. Б.м.: Гофанбу ши чжэн бяньицзюй, 1984. С. 448–449.
 22. *Сунь Цзыхэ*. Указ. соч. С. 350; *Хэ Инцин*. Гэмин цзюйюй [Революционное образование] // Хуанпу цзюньсяо шихуа [Из истории военной школы Хуанпу]. Чунцин: Батишудянь, 1944. С. 31.
 23. *Хуан Бинфэн*. Указ. соч. С. 52.
 24. Там же. Указ. соч. С. 53.
 25. *Ли Фэн*. Хуанпу цзюньсяо цзюдаотуань дэ цзуцзянь цзи цзаоци жэньши фэньси [Организация учебных полков при школе Хуанпу и анализ положения с личным составом в начальный период] // Гоминь гэмин юй Хуанпу цзюньсяо... С. 149.
 26. Там же. С. 55.
 27. РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.
 28. *Хуан Бинфэн*. Указ. соч. С. 52.
 29. Чжунъян луцзюнь цзюньгуань сюэсяо ши гао [Очерк истории Центральной офицерской школы сухопутных войск]. Б.м., 26-й год Республики (1927). Вып. 1, ч. 1. С. 2.
 30. *Сунь Цзыхэ*. Указ. соч. С. 53.

31. *Сунь Цзыхэ*. Указ. соч. С. 351; *Хуан Бинфэн*. Указ. соч. С. 62.
32. ВКП (б), Коминтерн и Китай. Т. 1. С. 359.
33. Там же. С. 565.
34. Там же. С. 564.
35. Там же. С. 566.
36. Там же. Т. 2. Ч. 1. С. 253.
37. Там же. Т. 1. С. 573.
38. ВКП (б), Коминтерн ... Т. 1. С. 570.
39. Там же.
40. *Сунь Цзыхэ*. Указ. соч. С. 363--364.
41. ВКП (б), Коминтерн... Т. 1. С. 574.
42. Там же. С. 570, 574.
43. Определенные основания для такой оценки есть. Так, что за период с октября 1925 г. до конца сентября 1926 г. общие военные расходы южнокитайского правительства составили 61 млн 285 тыс. юаней, т.е. 80% всех его финансовых поступлений. (*Сунь Цзыхэ*. Указ. соч. С. 34).
44. *Картунова А.И.* В.К. Блюхер в Китае? 1924--1927 гг. Документированный очерк. Документы. Изд. 2-е, доп. М., 1979. С. 79.
45. РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 7. Л. 124-126.
46. Там же. Л. 127-130.
47. *Мировицкая Р.А.* Проблемы истории советской помощи национально-освободительному, революционному движению в Китае. Советский Союз и Национальные армии Китая (1924-1926 гг.) // Китай в новое и новейшее время. М., 1981. С. 56.
48. РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.
49. *Тань Фан*. Указ. соч. С. 43.
50. ВКП (б), Коминтерн и... Т. 1. Ч. 1. С. 206. О курсе мексиканского доллара по отношению рублю свидетельствует документ, представленный в том же сборнике: ВКП (б), Коминтерн и... Т. 1. Ч. 1. С. 210.
51. Цит. по: *Ли Цзикуа*. Указ. соч. С. 121. — Цитата приводится по китайскому переводу, оригинал на русском языке автору оказался недоступен. “Северо и Запад” упоминаются в связи с тем, что в то время активно прорабатывался вопрос о создании гоминьдановской армии в районах, граничивших с советской Средней Азией и Монголией.
52. ВКП (б), Коминтерн и... Т. 1. Ч. 1. С. 442.
53. Там же. С. 443.
54. *Цзян Цзешу* (Чан Кайши). Дуй Чжунго Гоминьдан ди эр цы дайбяо дахуэй чжи цзюньши баогао (Доклад по военным вопросам на II съезде Гоминьдана) // Гэмин вэньсянь. Вып. 76. С. 57. — Цит. по: *Хуан Бинфэн*. Указ. соч. С. 43.
55. ВКП (б), Коминтерн... Т. 1. С. 442.
56. Там же. С. 554.
57. Там же. С. 570--571.
58. Там же. С. 574.
59. Цит. по: *Ли Цзикуа*. Указ. соч. С. 121.
60. Там же. С. 120—121; Ляо Чжункай яньцзю [Изучение Ляо Чжункай]. Гуанчжоу, 1989. С. 237—238, 235—236.
61. Цит. по: *Панцов А.В., Юрьев М.Ф.* Установление сотрудничества между КПК и Сунь Ятсеном в 1921—1924 гг. // Сунь Ятсен, 1866—1986. Сборник статей, документов и материалов. М., 1987. С. 142.
62. В сборник (название см. в сноске 4) включены статьи А.И. Картуновой и автора настоящей публикации.